

Олег Антонов

16+

Осознанный выбор

Олег Антонов
Осознанный выбор

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Антонов О. Б.

Осознанный выбор / О. Б. Антонов — «ЛитРес: Самиздат», 2013

В жизни не существует Суперменов, решающих свои проблемы с помощью силы или полученных неизвестно откуда способностей. В реальной жизни каждому приходится постоянно делать выбор: оставаться Человеком или влечить жалкое существование Потребителя всемирной Жвачки, которую активно и массированно раздают СМИ. Герои рассказов – обычные люди, со своими удачами и проблемами. Они живут, совершают ошибки и расплачиваются за них сполна. Оказавшись в необычной ситуации, они принимают решение, которое может изменить не только привычный уклад жизни, но и будущее. Насколько хорош этот выбор, судить читателю.

© Антонов О. Б., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Еще один шанс	5
Проблема	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Еще один шанс

Дворик для прогулок был зажат между зданиями и больше походил на кирпичный колодец, глубиной в три этажа. Сверху его закрывала металлическая сетка, через которую даже воробей не смог бы пролезть. На потемневших стенах, будто плесень белел солевой налет от дождей, асфальт под ногами был неровный и покрыт сетью трещин, через которые весной может и пробьется несколько травинок. Небо вверху было бледно-синим, осеннее солнце освещало верхнюю часть восточной стены, и тень от сетки была нечеткой, ломаясь на неровной кладке.

– Шестнадцатый, прогулка закончена, – раздался голос конвоира. Человек в сером поношенном костюме бросил последний взгляд вверх, по диагонали квадратного дворика, позвякивая цепью, отсчитал последние двенадцать шагов до двери, и усмехнулся своим мыслям. За дверь его привычно осмотрели, хлопнули по бокам, и повели домой, в камеру. Но в длинном коридоре не повернули к лестнице на второй этаж, где находилась его камера, а повели дальше. Охранник у двери в соседнее здание сделал запись в журнале, придирчиво осмотрел подпись старшего конвоира и только после этого открыл крепкую металлическую дверь. Шестнадцатый только плечами повел, когда понял, что его ведут не в камеру, а в лазарет.

Обычно медицинская проверка проводилась по средам, а сегодня была пятница, но это даже хорошо, решил Шестнадцатый. Хоть какое-то разнообразие. Конвоиры еще дважды расписывались в журналах и когда его ввели в знакомый кабинет, с обычным больничным запахом, он уже настроился на то, что сможет перебраться несколькими словами с дежурным врачом. Разговаривать с заключенными не разрешалось, но врач должен задавать обычные вопросы, касающиеся состояния заключенного, поэтому можно было отвечать на эти вопросы коротко, а можно было и поболтать, не ограничиваясь прямыми ответами, спросить совета по поводу насморка или бурчания в животе. Врач ведь обязан следить за их здоровьем, поэтому Шестнадцатый всегда старался растянуть посещение лазарета. Там можно было увидеть что-то новое, пусть даже это было мелкой деталью, например новые пузырьки с лекарствами в шкафу. Врачи на его болтовню внимания не обращали, разговоров на посторонние темы не поддерживали, ведь старший конвоир присутствовал при осмотре и мог потом доложить о нарушении режима начальству.

– А вот и номер шестнадцатый, – как обычно сказал молодой, но уже лысеющий врач в халате и шапочке, Шестнадцатый про себя называл его Занудой. Заключенным не полагалось знать имена охранников и врачей, поэтому каждый придумывал для них какие-то клички, но обращаться к ним можно было только обезличенно: конвоир, охранник или доктор.

Нарушение этих правил влекло за собой ужесточение режима, могли и прогулки запретить. Во время осмотра Зануда всегда задавал одни и те же вопросы, а если ему жаловались на головную боль или ломоту в суставах, то всегда начинал досконально выспрашивать о том, что было за день до этого или раньше. На вопросы, не относящиеся к медицине, не отвечал и на шуточные замечания не реагировал, лениво стуча по клавиатуре. Иногда, если было что-то серьезное, давал лекарства и потом проверял результат, чаще просто говорил: «Чепуха» и отправлял заключенного в камеру, не обращая внимания на слабые протесты. Второй врач, которого Шестнадцатый называл Козликом, за то, что тот носил очки и имел редкую неухоженную бородку, был более щедрым на таблетки и любил рассказывать анекдоты на бытовые темы во время осмотра. Конвоиры на это не жаловались, им самим было скучно.

– Здравствуйте, доктор! – Шестнадцатый улыбнулся сидящему за столом врачу. – Как ваше здоровье, как семья? – Он спросил это по привычке, зная, что ответа не будет.

– Здравствуйте, – буркнул Зануда и кивнул конвоиру, тот защелкнул цепь, сковывающую наручники и ножную связку в фиксаторе смотрового кресла и отошел к двери, где ему полагось ожидать завершения осмотра.

– Состояние пациента хорошее, никаких отклонений от возрастных изменений не обнаружено. Сейчас проведем стандартную процедуру осмотра, режим «А».

Врач обращался не к нему и заключенный только сейчас заметил, что в кабинете находится еще один человек, тоже в белом халате, белой шапочке и темных очках, сидящий в углу, рядом с застекленным шкафом. Перед ним на столике-каталке стоял раскрытый компьютер в металлическом корпусе. Шестнадцатый сразу определил, что это армейская модель, титановый корпус, мощная машинка для среднего командного звена. Ему не понравилось, что он сразу не заметил постороннего при входе. Незнакомец кивнул врачу, будто давая разрешение начать осмотр.

– Извините, что не поздоровался, – сказал заключенный, приветливо улыбаясь незнакомцу. – Здравствуйте!

В ответ он увидел только отражение ламп в стеклах очков. Зануда пощелкал клавишами, встал из-за стола, подошел к заключенному и привычно закрепил датчики на теле. Надев белый пластиковый шлем с торчащим рожком антенны, так, что видно было только обеспокоенное лицо Шестнадцатого, он вернулся за стол и снова принялся щелкать клавишами, вглядываясь в экран. Заключенный громко вздохнул и повозился, устраиваясь поудобнее в смотровом кресле. Не нравилось ему это, особенно тревожило его присутствие незнакомца, который молча сидел в своем углу. Раньше никаких посторонних на осмотрах не было.

– Знаете, доктор, что-то у меня вечером горло заболело... Может, посмотрите?

Зануда поднял голову, посмотрел на него с раздражением, потом нехотя кивнул. Надев обруч с зеркалом, подошел к креслу и приказал открыть рот. Осмотрев горло, он укоризненно покачал головой, будто Шестнадцатый его обманул.

– Чепуха. Обычная ангина. – Смазав небо и язык ватным тампоном, пропитанным какой-то едкой жидкостью из темного пузырька, Зануда вернулся за стол и, посмотрев на экран, удовлетворенно кивнул головой.

– Все в норме, хотя общий тонус и низковат. Думаю, что витамины не помешают. Как вы считаете, коллега?

Заключенный повернул голову и посмотрел на незнакомца в углу. Тот поднял голову и согласно кивнул врачу, затем снова уткнулся в свой компьютер, будто происходящее его вовсе не интересовало.

– Значит, все в порядке, доктор? – кривясь от горечи во рту, спросил заключенный и сглотнул. – Это что-то с йодом, да?

– Да. Теперь займемся витаминами, – негромко ответил Зануда, подошел к столику у стены, надел тонкие резиновые перчатки и вытащил из стерилизатора шприц. Осмотрел его на просвет, проверил, как ходит поршень и надел иглу. Из плоской картонной коробочки без этикетки достал ампулу с прозрачной жидкостью и, сломав наконечник, набрал жидкость в шприц. Когда брызнул фонтанчик из иглы, заключенный, наблюдавший за действиями врача затаив дыхание, встревожено шевельнулся.

– Это что такое, доктор? Что за гадость вы собираетесь мне вколоть?

– Витамины. Внутривенная инъекция, – флегматично ответил Зануда и подошел к креслу, держа шприц в руке иглой вверх. Заключенный вжался в кресло, потом, что-то почувствовав, глянул в угол. Незнакомец теперь внимательно смотрел на него, откинувшись на спинку стула. Конвоира заключенный видеть не мог, тот стоял у двери, но он знал, что стоит только врачу сказать слово, как тот в два шага окажется возле кресла и поможет сделать укол. Сопротивляться было бессмысленно.

– Не волнуйтесь, это только вам на пользу, – сказал незнакомец, внезапно оказавшийся справа от заключенного, В стеклах очков Шестнадцатый видел только свое искаженное отражение и это его раздражало, здесь ведь не пляж, даже окон нет, чего ж такие очки носить? Зануда уже протер ему кожу тампоном и пальцами пережал левую руку выше локтя, запахло спиртом. Почувствовав укол, Шестнадцатый вздрогнул, но промолчал. Доктор сделал укол умело, а незнакомец все говорил, будто отвлекая внимание.

– Витаминная инъекция, заключенный. Вас ведь не балуют фруктами, а впереди зима. Организм должен иметь высокую сопротивляемость, вот Минздрав и побеспокоился о вашем здоровье.

Заключенный проводил недоверчивым взглядом незнакомца, вернувшегося в свой угол и снова уткнувшегося в компьютер. Зануда оставил тампон на месте укола и отошел.

– Что-то раньше государство такой заботы не проявляло, – едко заметил Шестнадцатый, глядя в спину врача, снимающего перчатки. За него снова ответил незнакомец.

– А теперь проявило, цените эту заботу, заключенный. Вам ведь еще долго здесь жить. Шестнадцатый бросил быстрый взгляд на него и сразу отвел глаза, было что-то пугающее в бледном лице с темными стеклами, закрывающими глаза. И непонятно было, с издевкой он сказал это, или просто так.

– Спасибо, благодетели... – заключенный под внимательным взглядом врача бросил тампон в урну, застегнул манжету рубашки и опустил рукав костюма. Ничего необычного после укола он не чувствовал и теперь ждал, когда с него снимут датчики и шлем.

– Вот и все, Шестнадцатый. Завтра посмотрим на общий тонус организма, а пока можете отправляться. И не мочите место укола. – Врач кивнул конвоиру и тот подошел к креслу, чтобы отстегнуть заключенного. Шестнадцатый выходил из лазарета обеспокоенный и раздраженный. Надо узнать, что это за незнакомец и что ему вколол Зануда. Это может сильно повлиять на его планы, тщательно разработанные и близкие к осуществлению.

– И что это даст, господин полковник – спросил раздраженно врач, когда ампулы закончились. – Это что, действительно витамины?

Полковник снял очки и посмотрел на него, слегка приподняв брови. Врач смотрел на него с вызовом. Не нравилось ему все это, но приказы начальства не обсуждаются. Только вот спрашивать потом будут с него, если что случится, поэтому хотелось услышать хоть какое-то объяснение тому, что происходило в их тихом омуте последние три дня. Свалились, как снег на голову, привезли какие-то препараты, заставили делать одним инъекции, другим давать какие-то драже... Третью заключенных оставили в покое, обозвав контрольной группой. Ох уж эти эксперименты, они до добра не доводят. В этом он был убежден.

Главным в этой суматохе был полковник, которому без всяких проволочек разрешили здесь хозяйничать, а остальным даже не соизволили сообщить, кто он такой. Полковник Иванов и точка, да только знаем мы таких Ивановых. Приказали оказывать содействие и выполнять все распоряжения. Черт знает, что такое... Хотя догадаться, что он из какого-то секретного института труда не составляло, да только кроме начальства никто его документов не видел. Все это мышьяная возня, когда-то врач и сам работал в такой конторе, пока не понял, что совершил самую большую ошибку в своей жизни... Но об этом уже пора бы забыть.

– Мы проводим испытание нового средства, господин врач. Не беспокойтесь, это никак не отразится на здоровье ваших ... пациентов. Я думаю, что вы не испытываете к ним симпатии, это ведь даже не люди... Просто жуть берет, когда читаешь справки. Этот, например, шестнадцатый номер... Сколотил целую армию, объявил себя новым Адольфом, целый регион терроризировал, сколько людей погибло... А с виду и не скажешь, на дядю моего похож, тот был мирным обывателем, бухгалтером работал. Или третий номер, это же серийный убийца, куда там Джеку-потрошителю.

Врач пожал плечами и хотел сказать, что да, симпатии он к заключенным не испытывает, но отвечает за их здоровье как врач. Зарплату за это получает. Но этот молчаливый тип с серыми глазами и сам был врачом, по крайней мере, он так заявил при знакомстве. Полковник поднялся и, пройдясь вокруг смотрового кресла, остановился перед столом врача. Без очков он выглядел вполне обыденно, никакой таинственности и внушительности, которые появлялись, стоило ему только надеть темные очки. Светлые редкие ресницы и брови, мешки под глазами, лет ему под сорок. На улице на него и внимания бы никто не обратил.

– Это новое средство не является лекарством в привычном понимании, это... как бы сказать, средство контроля... Да, мы создали средство, позволяющее контролировать поведение преступников. В любое время, в любом месте и при любых обстоятельствах они теперь будут находиться под контролем, не внешним, что обычно невыполнимо, а под внутренним... Это совершенно новая область медицины, на стыке наук... Так сказать, в авангарде науки и техники.

– Так значит, в ампулах были не витамины? – уточнил врач, испытывая желание взять полковника за лацканы халата и вытрясти информацию. Но полковник с улыбкой покачал головой.

– Почему же нет, там были витамины. Причем полный комплект, весьма полезно для ослабленных организмов...

– Тогда что же там было еще? – врач покосился на столик, где лежали пустые ампулы в картонной коробочке без каких-либо надписей.

– Кое-что еще в них, несомненно, было, – самодовольно покивал полковник, глядя на ампулы. – Только не лекарство, а продукт высоких технологий. В подробности вдаваться не буду, но это что-то вроде искусственных микроорганизмов, весьма сложных в устройстве и очень дорогостоящих... – Полковник поднял вверх указательный палец и снисходительно улыбнулся врачу. Тот поморщился, такой пафос был не для него, его больше интересовало, чем это обернется для заключенных. Видимо, полковник прочитал этот вопрос в его глазах.

– Вы ведь знаете, где работаете, коллега, – недовольно, будто непонятливому ребенку, пояснил полковник. – Здесь содержат преступников осужденных на пожизненное заключение, тридцать лет назад их просто уничтожали, как и полагается, но теперь общество стало гуманным, и убийц просто держат в камерах, пока они не вымрут сами. Пожизненное заключение!... Ах, этот гуманизм... Как глупо это слово применительно к вашим пациентам, доктор!

– Тем не менее, они остаются именно пациентами. Никто не освобождал меня от моих обязанностей и как врач я хотел бы знать, чего следует ожидать... Что они могут, эти ваши микробы? Как они действуют? Какие-то проявления их деятельности будут видны, или вы решили выступить в роли карающего меча? – Врач понял, что говорит лишнее и, чтобы скрыть охватившее его возбуждение, встал и подошел к столику, принялся укладывать инструменты в стерилизатор.

– Ну зачем же так... Мы не звери, мы тоже медики и не собираемся причинять вред этим... заключенным, – развел руками полковник. Он почувствовал себя виноватым после слов врача, но быстро оправился от смущения и с раздражением заговорил, постепенно повышая голос, будто старался убедить не только врача, но и себя.

– Наши микроорганизмы, вернее кибернетические механизмы, кстати, мы дали им название «нанокиб» за их малый размер, будут выполнять функцию регулятора поведения. Я не могу говорить о механизме действия, это информация секретная, но в общем... Могу рассказать о том, как это будет работать в принципе.

– Это интересно, – врач включил стерилизатор и вернулся к столу. На мониторе еще оставались данные последнего осмотра и, криво усмехнувшись, врач выключил компьютер. Что-то теперь будет, подумал он с беспокойством. Не дай бог, если об этом узнают за пределами тюрьмы.

Полковник, не обращая на его озабоченный вид внимания, присел на смотровое кресло боком и, мечтательно поднял глаза на нависающий колпак осветителя с выключенными лампами.

– Представьте себе ситуацию: преступник готовит план преступления, он обдумывает детали, расписывает по шагам свои действия, учитывает каждую мелочь... Наконец, наступает время действовать, и тут... тут его ждет сюрприз! Как только дело доходит до действия, оказывается, что он не может ничего сделать! А, каково? Он не сможет нажать на курок пистолета, не сможет ударить ножом, не сможет даже дать пощечину... Вот где проявится наша работа, здесь в действие вступают наши «нанокибы», они отслеживают работу отдельных частей мозга, потом блокируют выделение ферментов агрессии и... преступника можно брать голыми руками, на месте преступления, так сказать. В момент, когда надо действовать, преступник оказывается связан собственным организмом, мозгом, который, с нашей помощью, надевает на него, как говорится, смирительную рубашку!

Врач недоверчиво покачал головой: – Я читал о «наномашинах», но пока они использовались только в тех областях медицины, где требовалось тонкое хирургическое вмешательство, где скальпель или даже лазерный луч невозможно использовать... А вы утверждаете, что теперь эти механизмы могут действовать на психику... Каким образом они смогут определить, когда надо действовать и каким именно образом? Мозг настолько еще мало изучен, а вы беретесь управлять его работой... Это больше похоже на... разновидность лоботомии, но ведь такие опыты опасны и, насколько я знаю, запрещены.

– Нет, нет. Никакого физического воздействия, никакого вреда, все гораздо тоньше. Нанокибы работают на молекулярном уровне, это очень сложные системы, которые учитывают такое количество факторов работы мозга, что для обработки информации требуется компьютер, который как раз в них и содержится... А что касается запретов, то мне кажется, что вы слишком беспокоитесь об этих... – полковник пренебрежительно махнул рукой. – Это уже не люди, доктор, только расходный материал. Ваш коллега, Паршин, относится к этому совсем по-другому, как положено относиться к преступникам. А вас что, совесть мучает? Или эти пациенты вызывают симпатии? Уж не после того ли случая? Лет восемь назад, кажется, вы работали в группе Артюхова...

– Какое отношение мое прошлое имеет к сегодняшнему дню? Вы что, собираетесь начать широкомасштабную акцию по обработке всех преступников? – Врач сжал кулаки, сдерживаясь, чтобы не кричать.

– Если опыты пройдут успешно, то благодарное человечество не будет вспоминать о нескольких заключенных-смертниках, которым дали шанс хоть один раз, да принести пользу обществу. Или вы считаете, что лишит их возможности проявить благородство, подвергшись незначительному риску, будет лучше? Они ведь потом смогут даже гордиться тем, что были первыми. Если, конечно им расскажут... – Полковник покосился на врача и усмехнулся, заметив недоумевающий взгляд.

– Не беспокойтесь о заключенных, это безопасно, вы уж поверьте. Станный вы какой-то, – потерев лицо ладонями, он встал с кресла. Врач молча следил за ним взглядом, ожидая продолжения, но полковник подошел к своему компьютеру и закрыл его, мягко щелкнув фиксаторами. Надел очки, посмотрелся в стекло шкафа, поправил сбившуюся набок белую шапочку и, сунув серебристый компьютер в коричневую сумку, подошел к столу и сухо отдал распоряжения.

– Завтра начнем осмотр после обеда. И не забудьте, что вы подписали определенное обязательство. Это в ваших же интересах, доктор Измайлов, вам тоже дается еще один шанс принести пользу науке. И не пейте вечером, завтра вы должны быть в форме.

– Хорошо, – устало отозвался врач и посмотрел на глазок видеокамеры, укрепленной под потолком. Дверь за полковником закрылась, а он еще долго сидел, раздумывая о том, что еще

известно о нем полковнику. Вполне возможно, что он многое знает о его прошлом. Второй шанс, а как же, шел бы ты с ним...

Активация нанокибов, выполнивших первую часть программы и добравшихся до определенных частей мозга, прошла успешно, все восемь заключенных теперь содержали в своем мозгу микроскопические механизмы, призванные изменить их жизнь. Полковник был очень доволен и после того, как последнего заключенного отправили в камеру, разговорился с врачом. Ему, видимо, не с кем было поговорить на равных, два сержанта-техника, которых он привез с собой, к таким разговорам не располагали. Они сворачивали аппаратуру сканирования, тоже компактную и умещавшуюся в двух чемоданчиках и уносили в соседнюю комнату-палату, где стояли койки для редких пациентов, и где теперь обитала команда полковника. Кроме них и полковника входить туда никому не разрешалось, хотя врачу очень хотелось посмотреть, что они еще с собой привезли. Такого оборудования он давно не видел, но его никто не приглашал. А напрашиваться не хотелось. Полковник не обращал внимания на неприязнь врача, или делал вид, что не замечает подчеркнуто обезличенного обращения. Хотя что ему, приехал на неделю-другую, оказал честь... А на брудершафт они не пили, да с таким вряд ли получится. Но вот с ним, так сказать, коллегой, пусть лишь частично посвященным в суть эксперимента, он мог соизволить пообщаться, причем, только по своей инициативе, без оглядки на секретность.

А может, он считает, что его полномочия дают ему защиту от наблюдающих камер? Или во время его присутствия в лазарете их отключают? Этого доктор Измайлов так и не смог решить для себя, голова была тяжелой с похмелья, но внешне это не проявлялось. Да и две таблетки анальгина, принятые с утра, немного помогли.

– ... Все очень просто и надежно. Во время лабораторных испытаний у нас не было возможности проверить работу нанокибов в реальных условиях, хотя один из сотрудников и вызвался добровольцем, но это было совсем не то... Нужен настоящий преступник, а не тот, кто пытается его изображать. Да, конечно, можно было найти добровольцев и среди той уголовной швали, что переполняет обычные тюрьмы, но... Тут возникает проблема с последствиями, понимаете, доктор?

– Да, вполне представляю себе, – хмуро ответил врач и посмотрел на часы, осталось полчаса до шести. Потом полковник уйдет и можно будет выпить граммов сто спиртику, прежде чем отправляться в казенную квартиру при этом проклятом заведении, где его никто не ждет.

– Нет, доктор, – потирая руки, ходил по кабинету полковник. – Ничего вы не представляете, сидите тут, в глуши и спиваетесь. Найти добровольцев не проблема, посули скостить срок и очередь выстроится... А попробуй-ка потом остановить болтливую уголовника, который по-пьяни зарезал подружку, а за деньги готов продать мать родную... Он ведь болтать начнет, что над ним опыты ставили, газетчики тут же пронюхают и начнется карусель. Нет, нам нужен был первоклассный материал, когда ясно и доказано: вот он, убийца, хладнокровный и расчетливый, убивающий не по случайности, а убежденно. Который верит в свою избранность и вседозволенность. Вот это для нас годится, а такие подонки только в таких конторах, как ваша тюрьма, и водятся. Наконец-то дали нам зеленый свет, теперь дело пойдет. Недельку мы за ними понаблюдаем, посмотрим на поведение, а потом и ко второй фазе перейдем...

Врач заметил, что полковник остановился в углу и начал растирать лицо, словно пытаясь содрать с него недовольное выражение. Наверное, спохватился, что болтает лишнее. Да только наплевать, что он там болтает, этот залетный полковник. Его ведь одно только волнует – доказать, что эксперимент удался, машинки действуют, можно начинать поголовную вакцинацию. Такое ведь уже было в нашей истории...

Повесит потом себе орден на грудь, получит повышение, если эксперимент удастся. А не удастся, так он найдет себе оправдание, а козлами отпущения нас сделает. А про подопытных и не вспомнит никто, даже если все они загнутся. Видали мы таких благодетелей мирового

масштаба... Вот ведь незадача, хотел спрятаться в глуши, так ведь и тут достали. Опять на мою совесть ответственность повесили, куда теперь бежать? От себя не убежишь, не получается...

Полковник снова быстро собрался и, предупредив, что в любом важном случае немедленно ставили его в известность, ушел. Врач хотел, было спросить язвительно, какие случаи надо считать важными, а какие нет, но, посмотрев в темные стекла очков, передумал. Разберемся сами, не впервой. Да, оборудование у полковника первоклассное, видно на хорошем счету у начальства. Только в работе с людьми не оно важно.

На четвертый день, а вернее, в ночь на четвертый день, заключенный под номером семь пытался покончить с собой: разбил в камере унитаз и острым осколком перерезал себе вены. Пока охранники открывали камеру, он, будто торопясь умереть, полоснул осколком себе по шее. Охранники вызвали дежурного врача и тот, наскоро остановив кровотечение, отправил Седьмого в военный госпиталь, благо тот был недалеко. Лазарет ведь занят, где его держать?

Полковник тут же примчался, охранников заменили и взяли в оборот, администрация безропотно подчинялась его указаниям, видно хорошо нажали сверху. После допроса охранников, ничего не давшего, полковник с одним из своих сержантов, захватив оборудование, выехал в госпиталь, потребовав усилить наблюдение за поведением заключенных в камерах. Вернулся он только к обеду и тут же вызвал второго врача.

– Что произошло? – спрашивал полковник врачей, но те только плечами пожимали. Дежуривший ночью Паршин никаких сигналов тревоги от охранников не получал до самого происшествия, а днем Седьмой выглядел как обычно.

– Почему он сделал это? Сделайте сравнительный анализ, данные из госпиталя уже закачаны в вашу базу. Важно любое отклонение... Начинайте, – полковник махнул рукой на компьютер врачей, возле которого сидел угрюмый сержант, при этих словах тут же освободившего место. Врачи переглянулись и пошли к столу, второй стул им принес из угла сержант, которого полковник тут же отправил дежурить в блок наблюдения, на пару с дежурным оператором. Сам полковник занял смотровое кресло, боком привалившись к спинке.

– А как там Седьмой? – поинтересовался Измайлов. Полковник раздраженно махнул рукой: – Выживет, не таких спасали. Не отвлекайтесь. Найдите причину, коллеги. Работайте, работайте... Я немного подумаю, – пробормотал он, стянул очки и сжал их в руке. Через пять минут раздался храп. Врачи недоуменно переглядывались: какие отклонения они должны искать и как это может быть связано с попыткой самоубийства Седьмого?

Очки выпали, ударились о кафель пола, но стекла остались целы. Полковник сразу проснулся, резко сел, сморщившись, принялся растирать затекшую шею. Помаргивая, он осмотрелся, не вставая с кресла, потянулся за очками. Сунув их в нагрудный карман халата, полковник встал и подошел к врачам, сидевшим за столом уже третий час.

– Хватит спать, Паршин! Измайлов, что выяснили?

– Ничего, – зевнул, прикрывая рот ладонью, врач и толкнул в бок дремлющего с поникшей головой коллегу. Тот дернулся, покрасневшими глазами угрюмо уставился на полковника, который оперся на стол костяшками пальцев и переводил взгляд с одного врача на другого.

– Это мне не нравится, – протянул полковник и, оттолкнувшись от стола, принялся расхаживать перед столом, всем своим видом показывая недовольство врачами.

– А что вы хотели, чтобы мы в физиологических данных нашли следы психологического воздействия? Так что ли? Или увидели с помощью своих датчиков химические процессы, происходящие тут? – Измайлов постучал согнутым пальцем по лбу. Паршин угрюмо кивал, глаза его перескакивали с одного предмета на другой, будто он не в силах был сосредоточиться на чем-то одном.

– Вы же снимаете показания мозговой деятельности, у вас есть шлем ЭГ, – ткнул в застекленный шкаф полковник. Врач посмотрел на него и усмехнулся, вот же медик, шлемведь

только во время осмотра заключенным надевают. Чтобы заметить изменения надо этот шлем постоянно носить.

– Конечно есть, только данные мы снимаем в лучшем случае два раза в неделю, несколько минут во время осмотра... Это дает возможность выявить только общие изменения за большой промежуток времени, а здесь... По двум-трем замерам ничего не заметишь. Так можно обнаружить какую-то патологию, на что и нацелены наши осмотры. Чтобы видеть динамику, надо носить шлем постоянно, или использовать ваш сканер.

– Да это я и сам знаю, – резко ответил полковник, будто понял, что его обвинили в несостоятельности. Подошел к столу и, постукивая пальцем по корпусу монитора, приказал:– Всех наших подопытных с завтрашнего дня обследовать дважды в сутки: утром и вечером. Я дам команду администрации, чтобы в случае любого отклонения в поведении эков охрана сразу вызывала вас. А еще лучше, устроить круглосуточное дежурство. Не уходите, я сейчас...

Полковник стремительно развернулся и, едва ли не бегом, выскочил из лазарета. Врачи растерянно переглянулись: что еще придумал полковник? Паршин с ухмылкой покрутил пальцем у виска и снова опустил голову, хоть подремать можно, пока полковник суетится.

Дежурство в блоке наблюдения было утомительным, но полковник настоял, чтобы врачи тоже дежурили, поочередно с его сержантами. Врач в последний раз пробежал взглядом по мониторам и, ссутулившись, отправился к кушетке, чтобы забыться в беспокойном сне на четыре часа. На его место сел техник-сержант из команды полковника и невозмутимо шевеля челюстями, принялся рассматривать картинки на мониторах. Сидевший рядом оператор снял наушники, из которых позвякивала музыка и, потянувшись, так, что суставы захрустели, налил себе чая из термоса. Ему то что, подумал врач, отсидит восемь часов у мониторов и пойдет домой, помоеся, ляжет в чистую постель... А может перед сном и водочки выпьет, как белый человек.

Измайлов укрылся серым одеялом, пахнущим какой-то дезинфицирующей гадостью, закрыл глаза и тоскливо вздохнул. Сколько теперь еще придется провести здесь времени? Этот болван полковник хочет выслужиться, а сидеть на казарменном положении и пялиться на экраны приходится им. И непонятно, чего надо ждать, то ли когда все подопытные себе глотки перережут, то ли впадут в протрацию, как Двенадцатый, которого приходилось теперь кормить чуть ли не с ложечки. Шесть дней уже прошло, а толку нет. Скорей бы уж полковник переходил ко второму этапу, да убирался со своим экспериментом. Заключенные уже что-то почуяли, забеспокоились, вопросы задают... Наверняка ведь кто-то из охраны болтает, да только что они знают? Только я да Паршин знают о том, что происходит, а команда полковника не в счет, им болтать – только себе вредить. Конвоиры – но они знают не больше других, при них ведь разговоров никаких не велось. Витамины, полковник, витаминчики... Вот объявят голодовку или начнут на охрану кидаться, тогда тебя и клюнет петух жареный... Выкинут отсюда, останешься ты на бобах. Хотя такие обычно не тонут...

В длинном зале с мраморными колоннами, уходящими ввысь метров на шесть над зеркальным полом из коричневого гранита, в котором отражались громадные разлапистые хрустальные люстры с множеством горящих лампочек перед группой толстых людей в расшитых золотом мундирах стоял полковник, по бокам – две рослые фигуры в черных костюмах и черных очках. Полковник бледен и сутулится, глаз не поднимает, губы сжаты полоской. К нему из группы выдвигается квадратный человек со щеками, спадающими на воротник и в фуражке, надвинутой на глаза. Этот человек с большой звездой на золотых погонах рычит на полковника, который еще больше сутулится.

– ... Ишь ты, благодетель какой выискался, решил преступность искоренить? А как ты собрался среди людей преступников выявлять? Или мы должны ждать, пока они кого-нибудь не убьют, сначала? Тогда ты им своих наноклибов воткнешь в мозги, и они станут тихими и

спокойными, да? Или ты предложишь всем поголовно этих кибов вводить, чтобы не рисковать? Так не пойдет... Не позволим!

Квадратный человек машет перед лицом полковника ставшего еще меньше ростом толстым пальцем и снова рычит так, что изо рта его брызжет слюна.

– Такого права мы тебе не дадим, чтобы нас за подопытных животных держать! Мы сначала тебя подопытным сделаем! – Квадратный человек с красным лицом протягивает руку и срывает с плеч полковника погоны, непонятно как оказавшиеся на штатском костюме. Погоны выдираются с мясом, какие-то нитки тянутся за ними, будто толстая черная паутина. Погоны летят на пол, рыдающего полковника с перекошенным от страха лицом хватают за руки двое в черных очках и полковник начинает извиваться, как червяк, скользя по полу ногами. Квадратный человек уже держит в руке шприц, из которого брызжет струйка, распавшаяся на сверкающие капли, и игла втыкается прямо в лоб полковника, который широко открывает рот в беззвучном крике, глаза его широко раскрываются и он повисает на руках, а квадратный человек брезгливо стряхивает клетчатый платком сверкнувшую каплю с рукава мундира...

Утирая пот со лба ладонью, врач осторожно покачал тяжелой головой. Вот же приснится гадость, кошмар сплошной. И откуда только берется... Глянув на часы, он спустил ноги и, нащупав ботинки, принялся всовывать в них ноги. За мониторами все так же сидели жующий сержант и оператор в наушниках. Еще двадцать минут до смены, можно пойти в душевую и помыться. Все тело было липким от пота, надо будет и рубашку сменить, да и носки тоже...

Протянув к нему руки, скованные наручниками, Восьмой со слезами на глазах твердил как заведенный, не обращая ни на что внимания.

– Не могу я так, не могу... Помогите доктор, помогите... Не могу я так...

– Да подожди ты, – попросил Измайлов, дрожащей рукой наливая в стакан на глаз валерьянку. Не хватало ему только истериков, послать бы этого чертова полковника с его экспериментами подальше. А еще лучше начальнику пожаловаться, пусть наведет порядок в своем заведении. Балаган какой-то устроили, психушка, а не тюрьма...

– Вот, выпей валерьянки и объясни толком, что случилось.

Стуча зубами по краю стакана Восьмой выпил все, облизнулся и наладился было снова скулить, но врач прижал палец к губам и прошипел: – Т-с-с.

Это подействовало и Восьмой, глядя круглыми глазами на него, быстро и неразборчиво зашептал.

– Хочется мне доктор, а я не могу... И так пытаюсь, и этак. А не могу, хоть головой в стену... Дайте мне чего-нибудь, может я смогу тогда... Не вынесу ведь... страшно... будто наказание божье...

Врач беспомощно морщил лоб, пытаясь понять его, но ничего не понимал. Восьмой уже завладел его рукой и поглаживал ее нежно и продолжал шептать, умоляюще глядя в глаза, и уже сулил что-то, криво улыбаясь и подмигивая. Врач почувствовал отвращение, будто его засасывало в темное болото безумия и резко отпрянул, выдернув свою руку из цепких пальцев Восьмого, едва не свалившись со стула.

– Стой, стой... Сейчас погоди, – начал он бормотать, пытаясь собраться с мыслями, но мельком заметил ухмыляющегося конвоира у двери и, разозлившись, вскочил. Восьмой опять заскулил.

– Молчать! – заорал вдруг врач, неожиданно для самого себя и глядя при этом на конвоира. Тот испуганно вытянулся с приоткрытым ртом, с лица его исчезла эта ехидная улыбочка, которая была отвратительна, будто врач делал что-то непотребное. Восьмой обиженно скривился, испуганно прикрылся скованными руками, будто ожидал от врача удара.

– Совсем спятили, идиоты! – чувствуя, что краснеет, пробормотал врач, утирая ладонью вспотевший лоб, и прошел к столу. Сев за стол он начал выстукивать пальцами, пытаясь что-то вспомнить, гадость какую-то о Восьмом, но не мог, и глядел перед собой невидящими гла-

зами. Потом он опустил взгляд на свои пальцы, выстукивающие по столу и сразу понял, что ему нужен монитор, вернее данные о Восьмом. Что-то такое было в его досье, что могло дать разгадку его поведения, было ведь...

Полковник появился в самый неподходящий момент, врач только сделал первый глоток из стакана и только почувствовал расходящееся внутри тепло и расслабление.

– Что тут у вас? – полковник прошел к столу и, пошевелив своим длинным носом, презрительно усмехнулся. – Опять пьете... Что с Восьмым? Докладывайте, доктор и где, черт возьми, тут стул?!

Измайлов только усмехнулся, когда полковник выжидающе посмотрел на него. Я тебе не сержант, это ты ими командуй, со злостью подумал он, я тебе стулья носить не буду. И полковник сдался, отвел глаза и пошел сам за стулом. Говорить о своих догадках врач не стал, хотя до прихода полковника вроде бы собирался поделиться мнением, а теперь вдруг расхотелось. Пусть сам догадается, если такой умный. А доложить – доложу.

– Истерика, вполне ожидаемая реакция... Я сделал укол успокаивающего, к утру отойдет.

– Почему ожидаемая? – сняв очки, уставился на него полковник недовольно.

– Ну а как же, вся тюрьма уже обсуждает ваши эксперименты: мол, ставят какие-то уколы, а потом люди на себя руки накладывают. Вроде как искупление, так сказать грехов своих... Мол, решили их всех извести, чтобы место не занимали, укол сделают, и человек сам себе казнь придумывает и своими руками осуществляет.

– Вы что несете? – приподнявшись, оскалился полковник, и врач непроизвольно отодвинулся, ему показалось, что полковник сейчас вцепится в него.

– Это не я несу, это заключенные так считают... Кто их надоумил, не знаю. Скорее всего, кто-нибудь из охраны пошутил, а они всерьез все восприняли...

– Л-ладно, – протянул сквозь зубы полковник и сел. – Значит, вся тюрьма знает... А кто им это сообщил? Кто здесь отвечает за охранников? Набирают всякую шваль, которая языки распускает... Ладно, они у меня запомнят, как надо работать.

Он выхватил из внутреннего кармана телефон и принялся нажимать кнопки, кривя губы и шепча ругательства. Врач с сожалением покосился на недопитый стакан, вздохнул.

– Послушайте, а нельзя ли как-то это прекратить... Ну, отменить этот эксперимент? – он понял, что говорить этого не следовало. Полковника так и перекосило от злости, он даже про телефон свой забыл, который уже прижал к уху.

– Ты что говоришь? Тебя кто спрашивает, а? Нет, нет, это я тут... на месте. Господин генерал, это третий говорит. Да, да... Нет, нет. Вы не так поняли, это по делу... – Полковник с покрасневшим лицом выскочил в коридор, продолжая оправдываться.

Врач посмотрел на дверь, взял стакан и опрокинул содержимое в рот. Медленно выдохнув воздух, он понюхал рукав халата и поморщился. Все-таки, какая сволочь этот полковник. Ясно ведь, что эксперимент провалился, теперь жди неприятностей. Так нет же, прёт как танк, звездочку на погоны хочет заработать. Да какая разница, звездочку или орден он хочет. Только теперь эксперимент пошел наперекосяк, какая тут чистота эксперимента, того и гляди, что заключенные бунтовать начнут. И понять их можно, все они жить хотят, а тут эти слухи... Действительно ведь страшно, а им ничего не объяснишь, они теперь ни во что не поверят. Надо их успокоить, а пока полковник здесь, покоя не будет. И что там у него за второй этап? Может, он решил на практике проверить действие этих нанокибов, устроить какую-нибудь заварушку, чтобы эки на охрану кидаться начали или друг друга поубивать решили? Только ведь они все в одиночках сидят, вместе их сводить запрещено... Надо же, как все закрутилось, это тебе не парадом командовать, полковник. Вот и Восьмой не просто так испугался: действуют эти кибы, работают... Он ведь куклу себе сделал из шмоток, одеяло не пожалел, педик проклятый, по ночам, видно, вспоминает, как на воле мальчишек душил, после того, как натешится, зверюга. А тут не смог закончить, ему ведь надо задушить свою куклу чтобы оргазма достигнуть, а не

получается, сил нет или адреналина маловато... Для этих кибов все равно ведь, куклу он душит или человека, эмоции то одни и те же, химия-то одна. Вот он и задергался гад, решил, что его так наказали, бог или полковник, для него не суть важно, он ведь днем поклоны отбивает, грехи замаливает, а ночью... ночью за старое принимается. Вот же грязь какая...

Охрану первого блока заменили, начальник тюрьмы сам лично присутствовал на вечернем разводе, был зол и мрачен, на полковника не смотрел. Не удалось, видно, ему объяснить, что охрана и так постоянно тасуется, чтобы предотвратить сговор с заключенными. А тот делал вид, что не замечает недовольства начальника, на косые взгляды заместителей и вовсе не обращал внимания. Не захотел полковник понять, что поздно уже охрану менять, только график дежурств сбил, упрямый осел. Люди теперь по две смены подряд должны дежурить. А заключенные ещё больше волновались, словно чувяли в смене охраны какой-то подвох. Как их теперь на прогулку выводить будут, да ещё по трое сразу? Добился своего полковник, как бы не обернулось это бедой...

Врачи сидели в лазарете и смотрели, как полковник сидит в углу за монитором, боится, как бы они лишнего не увидели. Им даже не разрешили уходить на ужин в столовую, техник-сержант принес им поесть прямо в лазарет. Измайлов с тоской представил еще одну ночь дежурства в комнате наблюдения и кусок ему в горло не полез. Паршин же съел все, его трудно было заставить забыть о еде, он к жизни относился проще.

– Сержант, – задержал своего помощника полковник, – готовьте аппаратуру, завтра будет перевозка наших ... пациентов в Центр. И проверьте, чтобы работало все как часы.

Сержант молча кивнул, собрал посуду, термос с чаем Паршин ему не дал унести, так же, как и тарелку с нарезанным хлебом, и неторопливо вышел.

– Так что, коллеги, может, обсудим процедуру еще раз? – обратился к врачам полковник, удовлетворенно откидываясь на спинку стула и опуская крышку своего компьютера. – Работа проделана по графику, все сроки выдержаны. Препарат сработал как надо, вы это знаете и должны подтвердить в своих отчетах...

Измайлов ковырял зубочисткой во рту лежа на смотровом кресле, куда перебрался, чтобы не видеть опостылевшего полковника. Паршин сидел за столом и жевал оставшийся хлеб, шумно отхлебывая горячий чай. Не обращая внимания на их молчание, полковник встал, потянулся с хрустом и принялся расхаживать, от двери в угол и обратно, сунув левую руку в карман халата, а правой размахивая перед собой. Очки свои он оставил на столике у компьютера.

– Заключенные, которым ввели нанокібов, чувствуют себя вполне нормально. Никаких особых отклонений в их поведении не замечено, но этого и следовало ожидать. То, что один из них пытался покончить с собой, а другой впал в истерику, картины не меняет, не так ли, Измайлов? Это ведь просто от страха, сами себе напридумывали глупостей, а на деле ничего не изменилось. На прогулках они вели себя смирно, на охрану ни разу не кинулись, так ведь доктор?

– Можно сказать и так, – негромко ответил Измайлов. В зубах он перестал ковырять и теперь рассматривал потолок. Полковник то ли себя уговаривал, то ли готовился к докладу начальству и на реплику врача не обратил внимания.

– Значит, остается только проверить, как будут действовать нанокібы в условиях, когда заключенным представится возможность задумать преступление и попытаться его осуществить. А такое в тюрьме невозможно. Значит, надо создать им такие условия. И эти условия мы им создадим, но уже в нашем Центре, где всё подготовлено к приезду.

Полковник сделал паузу, ожидая вопросов врачей, но Измайлов только покосился на него, а Паршин на секунду застыл с кружкой в руке, потом шумно отхлебнул и продолжил жевать. Полковник, ожидавший большего интереса, хмыкнул недовольно, но продолжил. Видимо ему очень хотелось услышать отзывы врачей о своей работе, хотя сам он был и без этого доволен собой.

– Да, это будет хорошей проверкой, – довольно потирая руки, расхаживал он по лазарету. – Теперь мы дадим четверем испытуемым возможность проявить себя в реальной ситуации, когда... Но это вам знать не положено, – ехидно ухмыльнулся полковник, на что опять никто не отреагировал. Это его не смутило.

– В общем, настоящий результат будет известен в ближайшие дни. А через месяц-другой можно будет внедрить нашу разработку в производство и тогда всем преступникам останется только локти кусать от бессилия. Представьте себе, насколько уменьшится преступность после того, как начнется повсеместное внедрение нашего... лекарства. В стране сотни тысяч преступников сидят на государственной шее, пусть лучше заботятся о себе сами, после того, как перестанут представлять опасность для общества. Их можно будет использовать на общественных работах, даже самых отпетых подонков. И держать их можно будет под обычным присмотром, в бараках. Сколько освободившихся средств можно будет направить на нужды общества, которые сейчас уходят на содержание преступников. Сколько людей, занятых сейчас тем, что вынуждены стеречь этих подонков, смогут заняться более полезным трудом...

– Скажите, полковник, а обратный ход у ваших кибов есть? – оставив опустевшую кружку, спросил Паршин, глядя покрасневшими от недосыпания глазами.

– М-м, в каком смысле? – сбитый с толку, замер полковник у стола.

– Ну, можно ли вытащить этих нанокибов обратно, из головы вытащить? – уточнил Паршин, с ухмылкой посмотрев на Измайлова и подмигнув. Тот заинтересованно приподнял голову, такого вопроса он от Паршина не ожидал. Он ведь на всю эту возню плевал со своей колокольни, тем более, что ничего за дополнительные дежурства не получал, кроме беспокойства. А на медицину он давно уже плюнул, так, остались какие-то навыки на уровне фельдшера... Но вопрос был хороший, только зачем ему это знать?

– Ну, теоретически это возможно, но на практике... Мы как-то не задумывались над этим, да и зачем? Вреда никакого нет, а если и возникнет какое-то осложнение, то можно дезактивировать наших малюток. – Полковник оглянулся на свой компьютер, словно проверяя, не исчез ли тот. – Но предварительные испытания у нас... в лаборатории, никаких побочных эффектов не показали. Они могут находиться в организме без всякого вреда для него. Осталось только убедиться в действенности наших малюток на практике.

Полковник довольно потер руки, вопросительно посмотрел на врачей, ожидая других вопросов. Измайлов хотел спросить, откуда у него такая уверенность в том, что эти нанокибы всегда будут действовать так, как надо, но спросил почему-то о другом.

– А вы не боитесь, полковник, что нас всех потом такими вот подопытными сделают? Не спрашивая согласия...

– Опять вы за свое, – вздохнул полковник. – Нет, конечно, не боюсь. Что за глупые выводы вы делаете. Зачем это надо и кому? Тут бы с преступностью разобраться, скоро половина страны в тюрьмах сидеть будет, а вы все о себе беспокоитесь.

– Да так, подумалось, – разочарованно протянул Измайлов, жалея, что не сдержался.

– Поменьше думайте, за вас уже все придумали, – раздраженно посмотрел на лежащего врача полковник.

Измайлов закрыл глаза, чтобы не отвечать даже взглядом. Бесплезно говорить с этим дубоголовым служакой. Он ведь дальше поставленной перед ним задачи ничего не видит, а если и начинает думать, так опять же, все сквозь щель своей амбразуры видит. Вот накормят тебя же, дурака, твоими нанокибами, для профилактики, чтобы ты не дай бог, не вздумал секреты продавать... Что тогда? Да ведь ты и не поймешь ничего, будешь исправно ляжку тянуть и о больших звездочках на погоны мечтать. Думать то ты и раньше не умел, так что и не заметишь ничего. А остальные-то как жить будут? Ты ведь не понимаешь, что и преступник и гений работают головой одинаково, результаты разные выходят, но процессы в мозгу идут одинаково. Только один о человечестве радеет, а другой о себе самом, свои потребности

хочет удовлетворить. И если они идут вразрез с общими, то тут преступление и получается. Вот и представь теперь, что с людьми станет, если всех твоими малютками накормить, все ведь остановится. После твоих экспериментов вполне станется с наших генералов да политиков всю страну накормить этими малютками. Сначала преступники, потом и все остальные, для профилактики, так сказать... Они-то будут считать, что до них самих не дойдет, как вот ты считаешь, да только кто спрашивать будет? И кончится в стране наука и культура, ведь агрессивность тоже нужна, без злости на окружающий мир или судьбу книги не напишешь, картину не нарисуешь... Кто же станет рисковать собой, готовясь проводить научные эксперименты или спасать людей в катаклизмах? Кто в армии служить будет? Все ведь овощами станут, мало нам общества потребителей, так вся страна станет ещё и стадом, безропотно идущим под нож. Вот как тебя остановить, заразу?

– Так нам продолжать дежурства или можно отдохнуть? – спросил Паршин, с сожалением убедившись, что термос опустел.

– Что? А да, конечно, – спохватился полковник, недовольно поджал губы и направился в угол, к своему компьютеру. – Надобность в дежурствах скоро исчезнет. Завтра мы вывезем четверых, а за остальными вы понаблюдаете в обычном режиме. Надо ведь успокоить остальных, пусть эки думают, что все закончилось. – Он закрыл свой компьютер и посмотрел на оживившихся врачей.

– Через неделю мы решим, что делать с остальными и вернемся... Завтра с утра проведете последний осмотр, Измайлов. Потом, после нашего отъезда будете работать как обычно. Если вы мне понадобится, вас вызовут в Центр.

В четыре часа утра врача вытащили из постели два бойца спецназа в масках и, едва дав одеться, погнали к начальству. Какое-то напряженное оживление чувствовалось вокруг, несколько бойцов в полной выкладке встретились по дороге, но все были заняты и на него не обращали внимания. Из приемной он заметил только багровую лысину начальника, мелькнувшую между спин заполнивших кабинет людей. Начальник что-то визгливо объяснял по телефону, но разобрать он ничего не успел, его ухватил за рукав какой-то тип в штатском, невысокий крепыш лет сорока, с колющим взглядом темных глаз. Тип недовольно дернул подбородком, что-то пробурчал сопровождавшим бойцам, тут же исчезнувшим и за руку вытащил врача в коридор.

– Измайлов Виктор Евгеньевич? – Врач кивнул: – Да, а что собственно тут произошло?

Тип показал ему, не раскрывая, удостоверение с гербом. – Следователь Совкин, идемте...

И, придерживая врача за руку выше локтя, повел по коридору, как вскоре понял врач, в лазарет. В коридоре первого этажа стоял запах пороховой гари, сновали люди в масках и с автоматами, хрипели и скрипели рации. Дверь в лазарет была открыта и из нее, на стену коридора вдруг упал отсвет яркого белого света. Вспышка фотокамеры. Что же здесь произошло? Интересно, из какой конторы этот следователь? На наших не очень похож, слишком крепкий, наши тренировок не любят, любят поесть да с бабами пошалить...

Следователь протащил его мимо открытой двери и завел в соседнюю комнату, где уже неделю располагались техники из команды полковника и куда никого не пускали. Теперь здесь было пусто, кроме застеленных коек и тумбочек между ними, двух сдвинутых столов у окна и нескольких стульев, стоящих как попало, ничего не было. Только пыльные следы на кафельном полу.

– Садитесь, – кивнул следователь на стул, сам же присел на край стола. Врач развернул стул так, чтобы сесть боком к столу и растерянно похлопал по карманам. Следователь тут же достал из кармана пачку сигарет и протянул ему.

– Спасибо, а то я свои не успел даже взять. Так все неожиданно... – Прикурив, врач посмотрел на дрожащий кончик своей сигареты и посмотрел в лицо следователю. Тот тоже

закурил и огляделся в поисках пепельницы. Врач показал рукой на ближайшую тумбочку и хотел встать: – Там что-нибудь найдется.

Следователь кивнул, жестом руки остановил врача, мягкими шагами подошел к тумбочке. Наклонившись, открыл дверцу и, звякнув стеклом, вытащил чайное блюдце. Вернувшись к столу, он поставил блюдце на стол, стряхнул пепел и снова присел на край стола.

– Итак, Виктор Евгеньевич, давайте уточним, что здесь происходило в последние семь дней. – Следователь говорил негромко и врач отметил, что сигарету он держал в левой руке.

– Чем занималась здесь команда полковника ... Иванова? Вы ведь работали с ними вместе?

– Ну, чем занималась здесь эта команда вы и так должны знать. Простите, не расслышал ваше имя-отчество... – врач, прищурившись от поднимавшейся струйки сигаретного дыма, посмотрел на следователя.

– Игорь Степанович, – кивнул следователь. – Так что здесь происходило?

– Этого я вам рассказать не могу, так как дал подписку. Если вас интересует, что здесь происходило, обращайтесь непосредственно к полковнику... Иванову. Я только в его присутствии могу говорить. Не поймите меня превратно, Игорь Степанович, просто ... – Врач вмял сигарету в блюдце и раздраженно добавил: – И вообще, что тут произошло? Может мне, все-таки следовало сначала поговорить со своим начальством?

– Начальство в курсе того, что вы беседуете со мной. А что касается того обязательства, что вы подписали... Я имею право спрашивать вас, за это не беспокойтесь.

Следователь положил сигарету в блюдце, снова достал свое удостоверение и, развернув его, подержал перед глазами врача. Тот скользнул глазами по строчкам, остановился на печати, задержался на фотографии. Следователь убрал удостоверение в карман, когда врач перевел взгляд на него. Рука у следователя не дрожала, отметил отстраненно врач и пожал плечами: – Наверное, да. Но все-таки, хотелось бы узнать, что здесь произошло. Что-то с заключенными?

– Всею свое время, Виктор Евгеньевич. Сначала я хотел бы выслушать ваш рассказ о работе команды полковника.

Следователь ободряюще кивнул и слегка улыбнулся. Зубы у него были желтоватые, неровные, ему меньше сорока... От него пахло приятно, чисто выбрит и рубашка свежая. Врач подумал о том, что сам он сидит здесь, в такую рань неумытый, небритый... Да еще запашок наверное изо рта... Вот ведь попал в историю, как чувствовал. Придется рассказывать, майор ФСБ имеет право знать, что тут делали ребята из «ящика».

– ... Это мы конечно проверим, но сейчас нас интересует другое. С чем работал полковник, я имею в виду аппаратуру? Кроме компьютера и сканера у него было что-то еще?

– Не знаю, – покачал головой врач. – Может, и было что-то еще, но я не видел. Не обращал внимания, да и они особенно не демонстрировали свою технику. Все процедуры делали сержанты, а полковник даже экран своего компа не показывал, в углу сидел. Может, Паршин что-то видел? Ах, да... черт возьми, как все нелепо, – ударил себя по коленям в расстройстве врач. Следователь теперь уже расхаживал по комнате и смолит одну сигарету за другой, блюдце было полно окурков.

– Хорошо, тогда еще раз расскажите, что говорил вам полковник Иванов о своих планах, о том, что собирался делать сегодня. Ведь он наверняка говорил вам, кто занимался разработкой, какие цели они перед собой ставили... Когда собирались уезжать, кого из заключенных выбрали для перевозки.

Врач устало откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Ах ты сволочь, подумал он про следователя, но без злобы, как думают о надоедливой мухе, которая кружится утром над головой и мешает досмотреть сон. Очень тебе хочется узнать, что мне известно об эксперименте, выяснить, насколько я опасен для вас... Да только вот проверить мои слова будет трудно, судя по твоим недоговоркам, вся аппаратура исчезла, два сержанта, что крутились рядом с полков-

ником убиты, Паршин... Ах, Паршин, Паршин – какой ты оказался дурак, тоже убит. Поэтому кроме полковника, конечно же, никакого не Иванова, это они для дурачков конспирируют, никто не сможет подтвердить или опровергнуть мои показания. А полковника теперь вряд ли найдут, ох, вряд ли... Даже тело вряд ли найдут... Да и зачем? Своим он теперь будет не нужен, даже если и объявится, из него ведь все выжмут. А тем, кто его вытащил отсюда вместе с Шестнадцатым, очень даже пригодится. И не только для того, чтобы вернуть его в нормальное состояние...

– Ничего он нам не говорил, только требовал выполнять его распоряжения. Пару раз только похвастался, что теперь преступность в стране искоренит... Да о нанокибах упомянул, когда я уколы делал и спросил у него, что было в ампулах. Он и сказал, как это подействует на заключенных, что они потом не смогут и муху обидеть.

– И что, вы в это поверили? – недоверчиво посмотрел на него следователь, присев напротив.

– Ну как вам сказать... Пытался я его расспрашивать, но он только усмехался, мол, не твоего ума дело...

– Да, да... Он не отличался обхождением, – следователь снова закурил, а врач успел заметить по его наручным часам время. Его часы тоже остались в квартире. Половина восьмого, сдуреть можно, это ведь получается, что они здесь уже четвертый час сидят.

– И последнее, что вы слышали? – снова принялся за свое следователь, стряхивая пепел в блюдце и не глядя в лицо врача.

– Это было распоряжение прибыть утром, чтобы сделать последний осмотр тех заключенных, которых собирались куда-то перевозить. Кого именно и куда, нам также ничего не сказали. – В третий раз устало повторил врач и потянулся к сигаретной пачке, там оставалось всего две сигареты, и он надеялся, что скоро наступит долгожданный перерыв. Следователь должен где-то найти сигареты, а он сможет что-нибудь найти в лазарете... Или попросить у следователя? Пару таблеток анальгина, чтобы снять головную боль, раскалывающую затылок. Не надо было вечером пить, да только кто же знал, что такое случится.

– И зачем надо было перевозить заключенных, полковник Иванов тоже не говорил? А может, он говорил, куда их повезут? Во сколько?

– Нет, – с закрытыми глазами снова повторил врач. В третий или четвертый раз? – Он только сказал, чтобы сержанты подготовили аппаратуру на завтра. И сказал, что завтра начнется второй этап. Больше он ничего не говорил, только разрешил нам переночевать дома.

К вечеру ему разрешили зайти в смотровую, чтобы он смог оценить ущерб и указать недостающее имущество. Похитители из шкафов повыкидывали архивные дискеты, а смотровое кресло изрезали ножом, словно в напоминание врачам. Но здесь не было отметин от пуль, только пыль на полу, со следами множества подошв. Дискеты свалили в кучу, потом придется разбирать, чего не хватает. Вот в коридоре, где видимо стрельба была, придется капитальный ремонт делать. Головная боль, после нескольких таблеток, принятых во время обеда, устроенного следователем в том же лазарете, немного утихла, но спать хотелось так, что глаза сами закрывались. Системный блок исчез, только провода свисали под столом. Сам стол был залит чем-то липким, наверное, чаем из термоса, который валялся на полу. Следователь куда-то вышел, оставив у дверей охранника из местных. Врач глянул на смотровое кресло, прикрытое куском прозрачной пленки, заметил у стены рядом с дверью стул и свалился на него. Опершись затылком о стену, закрыл глаза, и какие-то смутные картинки замелькали перед глазами, как в калейдоскопе. Подташнивало, тело было ватным от усталости, но мысли напряженно крутились.

Мозаика складывалась интересная. Ему сразу все стало понятно, как только он узнал, что Паршин был убит в лазарете. Если бы он дома был, как собирался, то остался бы жив, а тут среди ночи вдруг оказался в тюрьме. Только он мог сообщать о том, что происходит в

тюрьме тем, кто организовал нападение и похищение лидера фашистской группировки, сидевшего в шестнадцатой камере. Он ведь не разбирался в психологии, полковник с ним таких бесед, как со мной не вел, знал ему цену, использовал втемную. Для него важным было то, что он услышал от полковника перед моим уходом, это видимо и подтолкнуло фашистов недобитых на нападение. Кого повезут Паршин знал, фашисты нападать на конвой без предварительной подготовки побоялись, там ведь с наскока не возьмешь – машина бронированная, да еще два БТР сопровождения. Об этом вся охрана тюремная знала, машины пришли утром. А вытащить своего руководителя они видно готовились давно, подкатились к Паршину и купили по дешевке, он ведь падкий был на деньги... Тут еще их испугал этот эксперимент, лидер у них был богатеньким, не захотел становиться куклой, об этом Паршин наверняка сказал... Вот и решили пойти ва-банк: сбросили парашютистов, они через крышу легко попали внутрь и за полчаса вытащили из камеры своего, прихватив и полковника, со всем его оборудованием. А Паршин, сволочь жадная, заплатил за свое предательство смертью, он-то им был уже не нужен. Но без него они вряд ли бы смогли так легко попасть в комнату наблюдения и в первый блок, где Шестнадцатый сидел. Сержанты убиты в коридоре, остальные не сопротивлялись и остались живы, только с памятью у них месяц-другой проблемы будут, фашисты газ какой-то использовали. Интересно, сколько же они Паршину заплатили? Да только вряд ли все отдали, ох дурак, сволочь паршивая... А теперь новые охотники объявились, следовательно-то этот совсем не простой, да и ко мне никого не подпускает, видно из той команды, что полковника прикрывала. Да только теперь я ученый, хватит с меня и того, что я десять лет назад пытался поиграть в такие игры. Поздно, правда, понял, что нельзя на людях эксперименты ставить... Теперь все, баста! Как там у испанцев? Но пасаран! Не пройдут, полковники Ивановы и следователи..., как его там, Совин, что ли... Пусть хоть ненадолго задержать эту заразу, которой всю страну накормить хотят. Понятно, что прогресс науки, как говорится, не остановишь, но хоть на пару лет я их тормозну своим молчанием. Они ведь теперь долго будут выжидать, не появится ли где информация, полученная от полковника, потом начнут подбирать новых кандидатов для опытов... С оглядкой будут работать, и сюда вряд ли снова сунутся. А здесь им без моей помощи ничего не светит, а я ведь ничего и не знаю, не ведаю... Да и побоятся они теперь здесь шум поднимать с новыми экспериментами. На волю никого из оставшихся заключенных не выпустят, так что и разговоров не будет. Оставшихся я уж как-нибудь смогу успокоить, навру им что-нибудь, укольчиков успокаивающих самым нервным... Остается только надеяться, что полковник не проживет долго, а в суть дела он бандитов посвящать не станет, не такой уж дурак. Да и препарата у него не было, только контролирующая аппаратура. А нам всем хоть отсрочка будет, может еще что-нибудь случится и не получится у них превратить нас в стадо хрюкающих свиней, радостно чавкающих и не помышляющих ни о чем другом, кроме кормушки... А за год можно придумать, как еще можно помешать этим экспериментаторам. Может, стоит через полгода в Москву вырваться, навестить кое-кого из знакомых, организовать утечку через интернет...

– Та-ак, – протянул следователь, входя в лазарет. – Что ж вы, Виктор Евгеньевич, расслабились? Надо ведь заканчивать, время-то уже сколько, а? Давайте по-быстренькому здесь закончим, и отдохнуть отправимся.

– Да, пора бы закончить, – поднялся со стула врач и улыбнулся, словно сбросил с плеч тяжесть. – Надеюсь, из подозреваемых я исключен?

– Конечно, без сомнений. Ваше алиби проверено.

Следователь был доволен: оператор наблюдения, устроенный в тюрьму за неделю до приезда команды полковника сохранил все записи разговоров в лазарете, которые делал во время своих дежурств. Мало ли что приказывал полковник, у него свое начальство. Теперь можно будет поработать с врачом, скоро он по-другому запоет, все вспомнит... Жаль только, что мик-

рофоны отключались, какие-то фрагменты бесед полковника с врачами отсутствуют. Но это дело времени...

Проблема

– Брось, Гриша, брось... Ерундой занимаетесь. Это ведь уже было, не раз и не два, тысячи раз было. Нельзя возводить здание на песке, если только это не песочный замок. А если надо пыль в глаза пустить, то я помогать не буду. – Виталий ухватил кружку, сделал внушительный глоток и огляделся. В баре было пусто: за стойкой бармен протирал бокалы полотенцем, и на лице его озабоченность прорезала новые морщины; в углу сидела негромкая компания молодежи, обсуждали что-то без особых эмоций, сразу видно, после работы зашли; за соседним столиком сидели двое мужчин неопределенного возраста, молча жевали закуску и потягивали пивко из кружек. Официант был незаметен, появлялся тогда, когда был нужен. Пусто для субботнего вечера, подумал Григорий, поглядывая на стены, украшенные геральдическими щитами, копьями и секирами, вряд ли настоящими. Здесь он был второй раз, и средневековый антураж еще не приелся.

– Зря ты так. Я ведь не для себя стараюсь. А ты и не пробуешь осмыслить новое, отталкиваешь мои аргументы, отпихиваешься от них и отбрыкиваешься. Может быть, ты просто боишься нового, устал уже, погряз в текучке мелких дел? А, Вит? Раньше ты был более энергичен, сразу стремился ухватить суть, варианты предлагал... Теперь тебя такие проблемы уже не интересуют? – Григорий с деланным раздражением подцепил вилкой маслину, принялся жевать, ожидая ответа. Виталий посмотрел на него, усмехнулся невесело, будто говоря: знаю я твои штучки, не суетись.

– Зачем тебе я, Гришка? Чего тебя потянуло на глобальные проблемы, местный масштаб стал мелковат? – спросил он с тоской в голосе, но Григорий промолчал, зная привычки друга. С ним всегда так, упирается до последнего, но зато потом не остановишь. Стоило увлечь Виталия, зацепить какой-нибудь проблемой, как он тут же начинал её решать, независимо от собственного желания. Какое-то неконтролируемое свойство его разума, очень неудобное, причиняющее физические страдания в виде головных болей, отнимающее время и силы. И пока на выходе из «ящика с лишними извилинами», как называл свою голову сам Виталий, не появлялось что-то, решение или осознание его отсутствия, мучения не прекращались.

Проявляться это начало еще в студенческие годы, когда трое студентов факультета социологии жили в одной комнате общежития. Вместе их поселили по решению приемной комиссии, основанному на результатах тестирования, которыми новоиспеченные студенты тогда не интересовались. Сошлись они сразу и за пять лет крепко сдружились, не держа друг от друга никаких секретов. Ну, может, кроме сердечных.

Троица самонадеянно пыталась разобраться с этим феноменом, замеченном на втором курсе, когда Виталий по совету преподавателя информатики, профессора Самохина, взялся читать монографию Каверзина «Проблемы обработки информационных потоков». Книга понравилась, задела какие-то струны его души и неделю он ходил озабоченный и раздражительный, всё свободное время проводя за чтением и глотая таблетки от головной боли вечерами. Отправив результаты своего мучительного труда в виде отчета по Сети на адрес профессора, он свалился без сил и проспал почти сутки. Обеспокоенные друзья устроили приятелю допрос и сначала отнесли к его рассказу с недоверием, которое сменилось восхищением, когда они прочитали ответ профессора, похвалившего безымянного адресата за интересный отчет, ибо Виталий забыл подписать свое послание. Профессор посоветовал прочитать ему доклад одного своего аспиранта по той же теме, который ещё нигде не публиковался, но в котором было многое из того, что написал Виталий. Причём профессор отмечал большое сходство отчёта с докладом и сильно интересовался, не является ли это шуткой кого-нибудь из знакомых аспиранта. Когда профессор узнал, что автором отчета был второкурсник, который информатикой до этого не интересовался, Виталию пришлось долго отбиваться от попыток

профессора переманить его на математический факультет. Виталий был озабочен только тем, что ему пришлось претерпеть такие муки, и от дальнейшего изучения математических работ отказывался категорически, ему нравилась социология, он собирался стать гуманитарием и точка! Но ведь такая способность разобраться в незнакомом деле была невероятно полезной, это дорогого стоило!

Троица загорелась энтузиазмом, они строили какие-то великие планы по использованию такой уникальной способности, только все оказалось не так просто. Виталий совершенно не способен был самостоятельно найти и поставить перед собой проблему. Еще одна попытка использовать информацию из подсунутой ему книги закончилась примерно так же, прочитав за месяц книгу по современным проблемам биологии Виталий написал две страницы текста с выводами, во многом совпадающими с рецензией известного академика и наотрез отказался повторять подобный эксперимент. Он похудел на семь килограмм и устал от головных болей, да и времени на эксперименты не было, учеба была важнее. Друзья тогда прониклись сочувствием и оставили его в покое, даже старались помочь сдать сессию. Потом всё как-то позабылось, студенческая жизнь была насыщенной событиями, да и мир вокруг менялся с головокружительной быстротой.

– ... Ты пытаешься рассчитать будущее, зная, что не может быть единственного ответа. Варианты у тебя уже есть, да только как выбрать самый-самый, ты не знаешь. А ведь это и есть самое главное, выбрать один вариант из всего множества. Сколько ты этим занимаешься, год-два-три? До тебя этим занимались многие, да только без особых успехов. И вообще, Гриша, сколько человек существует, столько этим и занимается. Шаманы, оракулы, пророки... Каждому казалось, что уж он-то знает правильный ответ, но история этого не подтверждает. Если верить историкам, то не меньше миллиона лет человек занимается предсказаниями, но вот до сих пор так и не научился попадать в яблочко. Пока только одни вероятности. А ты хочешь взять и решить такую проблему с наскока... – Виталий поморщился, словно от зубной боли, вздохнул тоскливо.

– Понимаешь, Вит, мой институт работает над этим уже три года. Как его создали, так этим и занимаемся. Много вариантов, много гипотез, но нет общей связки. Все как-то так, зыбко, туманно, будто кисель. Тонем мы в этом киселе, у многих надежды уже угасают, да и спонсоры напрягают, требуют конкретности... Надо одно направление выбрать, конкретное. Если поможешь, мы в долгу не останемся. – Григорий заметил насмешливый взгляд Виталия и разозлился.

– Пойми, это ведь всех касается, теперь уже нельзя отделиться, отойти в сторонку. В одной лодке все плывем, хоть и банально звучит. Решать надо, пока есть время. А то останется один путь – в модули прятаться, призраками становиться... Только не выход это, а бегство, если по большому счету. Возвращаться-то куда будем? И кому мы будем нужны через десяток-другой лет?

Григорий говорил напористо, даже азарт какой-то появился – удастся или нет, в конце концов, расшевелить этого разочарованного жизнью скептика. Его мысли просты, а желания вызывают только сочувствие: нет мол, чтобы просто посидеть, поболтать про жизнь. Отдохнули бы в субботний вечерок, вспомнили студенческие годы, всё веселее, чем забивать голову проблемами этого разваливающегося мира. Нет же, решил на друга проблему повесить, мало ему своих хлопот...

Ничего, подбадривал себя Григорий, не расслабляйся, дави его, до последнего. Вит умеет решать проблемы, так, как никто другой, это проверено. Только вот упрямый он, уговорить трудно, но возможно. Начни все официально делать, столько формальностей возникнет, что пока все выполнишь, сто раз пожалеешь. Спонсоры беспокойство проявят, вопросы задавать начнут... Да и Виталий не любит, когда его запрягают в чужую упряжку. О спецслужбах, которые приглядывают за институтом ему знать совсем не нужно, он ведь по юности был боль-

шим демократом, вряд ли изменил свои убеждения. Лучше уж так, договориться в свободной обстановке: встретились старые друзья, пивка попили, поболтали на отвлеченные темы. Как бы между прочим один подкинул другому идейку, тот ее обдумал на досуге, или когда время есть свободное, потом снова встретились и обменялись информацией... Жаль только, что Тимки нет, болтун несчастный, а мог бы и помочь. Если получится у нас договориться, тогда и поставлю в известность всех заинтересованных. А не получится, так никто кроме нас двоих и знать не будет.

– ... В твоём институте толковые ребята сидят, три года продержаться на плаву смогли. Название только хреновое придумали. В самом деле, что за название – «Институт моделирования вероятностных процессов и систем»? Не звучит. Нет у тебя вкуса, но это дело поправимое. Тимку попроси, он придумает что-нибудь поинтереснее. У тебя со слогом всегда были проблемы. И директор у вас, такая дубина редкостная... Ты что, сам его посадил в кресло, чтобы от лишних забот избавиться?

Виталий благосклонно кивнул официанту, поставившему перед ним новую кружку с шапкой пены. Григорий только усмехнулся в ответ: если бы не он, то института и не было бы, а кто в директоратах сидит, для дела не важно. Тот дурачок, что в кресле сидит, приносит в клювике семьдесят процентов бюджета, за это пусть числится начальником. Решает он только финансовые проблемы, в науку не лезет, сам понимает, что в науке он – ноль полный, пусть тешит свое самолюбие должностью, щеки надувает, пока другие делом занимаются.

– Сбор информации ты наладил, влез туда, куда других и не пускают. И обработку поставил на высший уровень, толковых ребят набрал, – Виталий говорил без тени улыбки, уважительно и Григорий хмыкнул, польщенный. – Это у тебя хорошо получается.

Действительно, у Григория была то, чего недоставало Виталию: он мог увидеть проблему, разглядеть ее там, где другие ничего не замечали. Он накапливал в памяти разрозненные кусочки, состоящие из прочитанных заметок или книг; услышанных мимоходом отрывков разговоров или радиопередач; образов, полученных во время просмотра фильмов или просто увиденных мельком на улице. И через какое-то время из этих кусочков складывалась законченная мозаика, где каждый кусочек, отобранный подсознательно, вставал на свое место. И он видел то, что было «не так», «неправильно».

Строя мозаику он не мог избавиться от беспокойства, заставлявшего искать новую информацию. Беспокойство сидело в нем как глубокая заноза, до которой невозможно добраться. Избавление приходило после того, как он излагал увиденное, сначала в разговорах с друзьями, потом приучил себя записывать, мучаясь в поисках подходящих слов. Умение выбирать «тему для проблемы», как однажды заметил Тимофей, последний из троицы друзей, пришло не сразу. Научившись управлять своей способностью, Григорий постарался использовать ее с наибольшей отдачей.

– Да неважно, кем я числюсь в институте. Главное, чтобы работа шла. Ты ведь и сам не в кресле президента сидишь, желания туда забраться у тебя не появляется, так ведь? – желчно огрызнулся Григорий.

– Это точно, не появляется, – весело прищурился Виталий. – Тщеславия у меня мало, сам не страдаю и другим не советую, да только не слушают меня. Соглашаются, извиняются, руками разводят, ножками шаркают... и, как танки прут вперед, ломая себе шеи. А я заповедь моей бабушки: не в свои сани не садись, не нарушаю.

– А у меня тщеславия в меру, но я его придерживаю, если надо. Я добился того, чего хотел, только без ложки дегтя, как это по жизни бывает, не обходится. Институт работает, прогнозы наши сейчас в цене, спрос растёт... Только я за деревьями лес увидел, а как туда добраться, еще не знаю. Потому и решил собрать нашу старую компанию, вдруг что-нибудь получится сообща придумать. Только вот Тимка что-то подводит, обещалка хренов.

Тимофей, самый энергичный в их троице, особыми способностями не выделялся, как поначалу казалось. Это не мешало им жить дружно, с переменным успехом грызть «гранит науки», и развлекаться в меру небогатых возможностей в свободное время. Только со временем, уже после завершения учебы, Григорий понял, что у Тимки все-таки был свой талант: самому путаному и невнятному рассказу он придавал логическую стройность, четкую форму, слушать его байки было интересно. В спорах и диспутах, которые они часто устраивали, Тимка выдавал чеканные формулировки и делал выводы, достойные того, чтобы их можно было без смущения повторить в любой компании. Просто эта его способность не бросалась в глаза, казалась незначительной – каждый ведь может связно излагать свои мысли, одни лучше, другие похуже. Сам Тимка был парнем скромным от природы, в некоторой степени даже стеснительным, особенно это касалось отношений с противоположным полом. Он и печататься начал уже после окончания учебы, статьи его были острыми и всегда вызывали ожесточенную полемику.

– ... Мой дед тоже говорил, что каждый сверчок должен знать свой шесток. Только вот Тимка наш не туда лезет, как бы не свернул себе шею. Критиковать легко, недостатков в жизни всегда было больше, чем достижений. Увлекается он, будто мальчишка. Ему все равно, президента или стрелочника в статейках своих препарировать... Ты давно его видел? – Григорий посмотрел на Виталия пристально, но тот этого не заметил, увлеченный процессом поглощения пищи. Всегда он любил поесть, вон какой отрастил животик.

– Про Тимку ничего плохого не могу сказать. Читать читаю, но с ним самим давно не виделась. Ты ведь чаще с ним встречаешься, Гриша, не темни! Как он, всё такой же неунывающий и энергичный? – отложив вилку, Виталий удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

– Угу, – буркнул Григорий, дожевывая ломтик сырокопченого мяса. Сделав хороший глоток из кружки, добавил: – Пишет бодро, хорошо у него получается. Шевелюрой своей гордится, над моей лысиной насмехается. Оптимист он неисправимый, хотя пишет иногда так, что жутко становится. Думаешь, ну всё, конец Тимке пришел... А с него как с гуся вода. Всегда у него все заканчивается так, что в плохой конец не веришь. Надежду, что ли вселяет в тебя... Где бы мне достать такие розовые очки, чтобы на работе не так тяжело было? Насмотришься за день сообщений, с коллегами побеседуешь, прогнозы считаешь... и хочется ночью выскочить на улицу, встать на четвереньки, да на луну завывать. У тебя такого не бывает?

– Ну, выть не хочется, вот иной раз сокрушить что-нибудь руки чешутся. Тоже ведь вокруг люди разные, иногда так достанут своими глупостями и безграмотностью, что кресло приходится менять, – задумчиво сведя брови, ответил Виталий.

– Эт почему же? – удивился Григорий, – Раньше за тобой такой склонности не замечал. Ты ведь не про работу говоришь?

– Да знаешь, привык в кресле с подлокотниками работать, удобно, руки меньше устают и вообще, мне так нравится. А достанет меня какой-нибудь слизняк, так я подлокотники-то и сворачиваю. Одного напугал, он с перепуга обмочился, решил, что я его этими подлокотниками убивать буду...

Виталий хитро подмигнул и припал к кружке. Григорий недоверчиво усмехнулся, но тут же легко представил эту картинку, Виталия с обломками кресла в руках, да еще со зверским выражением лица, которое у него выходило всегда очень впечатляюще... Здоровый же он, как бык, хоть и пузо торчит. Да-а, картинка не для слабонервных, вновь усмехнулся Григорий. А как бы это подействовало на моих сотрудников, сотвори я такое у себя в институте? Нет, не поймут, врачей сразу вызовут. Хватит и того, что я злость свою в работе расходую, иногда только на одной злости что-то и выходит.

– Слушай, а то, что Тимка пишет... Это к тебе как-то относится? В последнее время он что-то всё шире замахивается. Я ведь знаю тебя, психолога хренова, – оживился вдруг Виталий и погрозил пальцем. – Ты ведь всех, до кого дотянуться можешь, стараешься запрячь в свою карету, чтобы с ветерком в даль светлую мчаться.

– Да ладно тебе, Вит, не дави... Может и имеет, только тебе что до этого? Я с Тимкой работаю на принципе обмена, и без обмана, – тут Григорий фыркнул: смешно получилось, каламбур какой-то. – Я ему информацию даю, он статьи пишет. Как он пишет – дело его, я ему не указ, и не советчик. Но выгода обоюдная, тут все чисто. Ион это прекрасно понимает.

– Ну да, ну да.. – рассмеялся Виталий, всколыхнувшись животом. – Еще скажи – обоюдоострая, как у ножа, которым японцы себе харакири делали. Только мне можешь не вешать лапшу на уши, знаю я, как ты любишь эксперименты на людях устраивать. Помнишь, как мы тебя отметелили на третьем курсе, когда ты нас использовал, чтобы изсебя спасителя девчонки этой, как ее... Жанки, что ли, изобразить? Видно не пошел тогда тебе урок впрок. Можно ведь и повторить, не глядя на твои чины и возраст.

Виталий серьезно посмотрел, пристально. Будто и не допивал третью кружку. Такой может не только подлокотники ломать, уважительно подумал Григорий.

– Да ладно, кто старое помянет..., – Григорий не удержался и мечтательно закатил глаза. – Но зато как все тогда получилось красиво!

– Да, получилось славно. Ладно, оставим пока тебе твой лоск, – добродушно согласился Виталий. – Но учти, что за Тимку с тебя, случись что серьезное, спрошу крепко. – И показал увесистый кулак, заросший темными волосками.

Григорий согласно кивнул, удовлетворенно отметив, что Виталий все-таки слегка захмелел, слова стал растягивать и, самое главное, от сотрудничества не отказывается, не становится в позу упряма. Удалось все-таки его расшевелить, пессимиста унылого.

– Давай, выкладывай свою проблему, – решил Виталий, глянув мельком на часы.– И не забудь сказать о том, каким боком здесь Тимка привязан.

– Хорошо, – кивнул Григорий и отвернулся, скрывая довольную ухмылку. Ему ведь тоже пиво пить пришлось, контролировать свою мимику стало труднее.

– Кого-то ждешь? – поинтересовался насмешливо Виталий, но Григорий только плечами дернул. – Нет.

Бросив на стол салфетку, Григорий уперся локтями в стол и свел пальцы перед собой, так ему лучше удавалось собраться с мыслями.

– Так вот, – не отрывая взгляда от пальцев, начал негромко Григорий. – За три года мы научились вычислять то, что будет происходить в окружающем мире с высокой степенью вероятности. Лучше всего нам удаются расчеты по процессам, связанным с техникой: заводы, строительство или транспорт. Вообще, где есть возможность взять данные за достаточно большой период, там мы уже можем заглянуть на пару лет вперед, пробуем выйти на более дальний рубеж. Проверенные данные я для тебя приготовил, посмотришь сам.

Вытащив из внутреннего кармана пластиковый футляр с диском, он протянул ее через стол Виталию. Тот брать не стал, Григорий положил футляр на стол, поближе к нему и продолжил: – Данные собраны по нескольким направлениям, покопаешься, может что-то тебя зацепит. Спотыкаться мы стали там, где данные собрать трудно: отношения в обществе, политика... Тут ведь непонятно, что собирать и в каком виде. Над этим работаем, но сдвигов пока мало. Либо надо новые методы измерения искать, либо другие данные собирать, и по-другому обрабатывать. Я говорил тебе, что кисель какой-то получается. Как связать воедино процессы в биосфере мы учимся, потихоньку нащупываем закономерности. А что касается социума, то здесь труднее, не только с достоверностью информации, есть еще и проблемы интерпретации... Да ты должен об этом знать, сам занимаешься сходными проблемами. Только ты решаешь мелкие проблемы, не обижайся, Вит, – вскинул предостерегающе руку Григорий. – Спору нет, политика и экономика, оборона... все это важно для страны, это надо делать. Только это все частности, надо искать общие, для всего мира, решения. И что еще плохо: мы ведь плетемся за событиями, следом идем, что бы там ни говорили всякие политологи и футурологи. А такие

события надо планировать! Если мы рассчитывать будущие события достоверно не научимся, то скоро останутся на шарике одни кретины пробирочные, да секретные кладбища модулей...

– Что-то ты уж больно мрачно рисуешь, – сказал Виталий и повертел головой, официант тут же появился с новой кружкой. – Чем тебе этот вот, – кивнул он на отошедшего официанта, – не нравится? Смотри, какой он ловкий. И дело свое знает, наверняка. Моргнуть не успеешь, а он уже тут как тут. И на кретина совсем не похож, зря ты модификантов обижаешь.

– Вот это меня и бесит. Не то, что выглядят они как все, хотя лучше было бы им иметь какое-то заметное отличие... Скоро кроме таких вот симпатичных, услужливых и работающих, настоящих людей на земле не останется.

– А зачем они тебе? Только проблемы создавать будут, настоящие-то люди. С ними ведь тяжело: каждый чего-то хочет, каждому хочется жить хорошо, не довольствуясь тем, что имеется. Это я тебе как знаток говорю. Нет, с этими симпатичными кло... ребятами гораздо спокойнее, никаких тебе лишних проблем. Задал режим работы, обеспечил необходимым и отдыхай, пока он работает. А то, что он инициативу не проявляет и к размножению не способен, так это даже хорошо: кончился срок, так сказать, эксплуатации – заказал нового, а отработавшего – на утилизацию.

Григорий хотел было возмутиться таким цинизмом, но вовремя заметил усмешку на лице друга и погрозил пальцем. Он ведь серьезно говорил, не до шуток сейчас.

– Ты это брось, – подался он вперед. – Надо все это непотребство запретить. Дураки мы, что на поводу ученых пошли, позволили политикам продажным узаконить производство этих гомункулюсов.

– О чем спор, господа? – на плечо вздрогнувшего Григория легла загорелая рука. Виталий потянулся здороваться с Тимофеем через стол.

– Молодец, вовремя. Мы тут мировые проблемы решаем, а тебя нет.

– Куда ты провалился? – недовольно спросил Григорий. – Вечно ты опаздываешь, мог бы и позвонить.

– Извините, ребята, едва пробился через пробки. Две кучи-малы на набережной, пришлось огородами обходить, час и пропал. – Тимофей, загорелый, бодрый и улыбчивый, жадно выпил бокал выдохшейся минералки и окинул друзей насмешливым взглядом. – Как я понимаю, собрались мы сегодня не просто так. Что-то Григорий задумал, чуёт мое сердце.

– Ты давай, поешь чего-нибудь, – буркнул Григорий, когда Тимофей сел за стол, весело оглядывая тарелки и потирая руки. – Я только начал, сейчас и ты всё узнаешь.

– Отлично, – набирая на тарелку закуски, согласился Тимофей и подмигнул Виталию. – Если только это не будет скучно.

– Веселья не обещаю, – раздраженно дернул головой Григорий. – Я хочу предложить работу, серьезную и важную. Только об одном прошу, особенно тебя, Тима: не делай поспешных выводов и лучше слушай, не перебивая. – Тимофей согласно кивнул, шутливо сложил ладони перед собой, зажав между ними вилку. Григорий с недоверием покачал головой и снова свел пальцы рук перед собой.

– Не знаю, как вы, а я в последнее время ощущаю сильнейшее беспокойство и тревогу. К моей личной жизни это пока не имеет отношения, здесь затронута общее... Многие мои коллеги и сотрудники также выказывают похожую обеспокоенность, но неконкретно, на уровне ощущений. Несколько недель я пытался собрать все эти... признаки, свести их к чему-то общему, и, думаю, кое-что мне удалось. Но об этом чуть позже. Я как-то случайно вспомнил вдруг нашу троицу, припомнил обстоятельства, которые нас свели. И решил навести справки. Оказывается, что вместе мы оказались совсем не случайно. Да-да, Тимка, это вполне подходящая тема для тебя. Оказалось, что приемная комиссия проводила небольшое исследование по заказу одного института. Помните, мы тогда проходили тесты... Так вот, результаты тестов отправлялись в Институт Человека и Общества, как я выяснил. Оттуда в приемную комиссию

возвращали рекомендации по составлению групп и заселению комнат в общежитии. И не зря нас поселили вместе, это было сделано с определенными намерениями.

– Насколько я помню, – перебил его Виталий, – нас предупреждали, что тестирование какое-то новое проводится, помнится, даже что-то подписывали, вроде добровольного согласия ...

– Не в этом дело, Вит, – оборвал его Григорий. – Я не помню, что мы там подписывали, нас ведь больше тогда интересовало поступление. Любой тогда согласился бы на любые тесты, чтобы поступить. Не это главное. Нас подбирали, понимаете, команду собирали. И не просто так, с целью социальной адаптации и повышения успеваемости, это было только прикрытием. Тут прицел был дальний. Я как об этом узнал, сразу же схему составил, весь наш поток постарался на схему вывести. И получилась очень даже интересная картина: из двух сотен человек несколько, таким образом, созданных групп до сих пор работают, причем, весьма эффективно работают, скажу я вам. Есть группы по три, по пять, даже по семь человек. И еще несколько групп есть непостоянного состава. Они, по-видимому, поддерживают связь, делятся информацией и бывает, что делают что-то совместное, хотя это выяснить трудно, даже для меня. Но результаты есть весьма впечатляющие: например, комплексы Садовникова, или новый двигатель для челноков-шаттлов...

– Ага, значит, Санька Вазонин все-таки сделал свой движок, – довольно ухмыльнулся Виталий, щелкнул ногтем по кружке в знак уважения и сделал хороший глоток. – Я его помню хорошо, головастый был парень, с крашеными волосами. И с ним еще двое были, очкарик один, а другой Стас или Сева ... Не помню, черт.

– Да, его группа хорошо сработалась, есть и другие примеры, – подтвердил Григорий и собрался продолжить, но его перебил Тимофей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.